

ЭПИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ АВТОРА В ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»*

Аннотация. В статье исследуются особенности эпического мышления В.Г. Распутина: широта охвата действительности, общенациональное событие в основе повествования, универсальность рассматриваемых проблем, герой, воплощающий народную мудрость, авторская остраненность.

Ключевые слова: эпическое мышление, эпический хронотоп, многоплановость повествования, целостность народного бытия.

Повесть «Живи и помни» основана на событиях Великой Отечественной войны. По мнению В.Г. Белинского, «жанрово-стилевые корни эпоса уходят в глубины художественного сознания нации», и «дух народа или эпохи должен выражаться в творении, которое может войти в одну категорию с поэмами Гомера» [1].

В прозе В.Г. Распутина на протяжении всего творческого пути проявлялось стремление изобразить исторически сложные, драматические события XX века.

Эпическое мышление – определенная форма отражения действительности, связанная с масштабным видением основ национальной истории, а также исторических событий и судеб людей.

В произведении Распутина создана единая картина мира, где всё скрепляет эпическое единение людей в борьбе с бедами, которые обрушились на народ по причине войны. Это произведение о народе, его нравственных принципах, быте, духовных основах. В произведении сосуществуют время историческое – период Великой Отечественной войны, время индивидуальной судьбы – перипетии жизни героев и время эпически вечное, легендарное, сверхисторическое. Легендарное время народных испытаний (от легендарных «старых годов» до событий 1945 года) возникает в исторических отступлениях, воспоминаниях героев, народных преданиях. Легендарное, метаисторическое время является не только фоном, оно активно вступает в действие произведения, определяя характеры, судьбы героев.

Повествование приобретает необычайное расширение, раздвигается до всего про-

странства русской жизни. Автор, воспроизводя различные пространственные и временные сферы, тяготеет к абсолютному эпическому хронотопу. Гегель отмечал характерную черту эпоса: «Эпос получает в качестве своего объекта совершение действия, которое должно предстать созерцанию как многообразное событие во всей широте своих обстоятельств и отношений и во взаимосвязи с целостным внутри себя миром нации и эпохи. Поэтому содержание и форму эпического в полном смысле слова составляют мирозерцание и объективность духа народа во всей их полноте <...>» [2].

В повести важнейшую роль играют время, история, состояние общества. Этим объясняется и природа конфликта. Привнесение в повесть истории не отменяет индивидуальное сознание героя, а способствует его формированию, поскольку только индивид осознает движение времени, соизмеряет нынешнее с былым.

Конфликт повести заключается в противостоянии личности и времени, общего и частного, запутанных узлов прошлого и ещё только возникающих ростков будущего. Дезертирство Гуськова и жизнь военной Атамановки – это своеобразный срез исторического времени. Отдельный человек виноват перед историческими требованиями, однако они оказались непосильными для него, и сама история тоже несет ответственность перед человеком. Андрею необходимо побывать дома, чтобы жить и воевать дальше: война истощила его духовные силы, а ранение подточило физические. Андреем движет любовь к родным, однако за опоздание в часть из госпиталя ему грозит расстрел. Исторические процессы ломают человека, вмешиваясь в его жизнь и всецело ее подчиняя. Судьба Андрея соотносима с судьбой Григория Мелехова. Эпический конфликт предполагает вытеснение художественной коллизии за рамки локального, индивидуального события. Это конфликт субстанциональный, который воспроизводит ориентировку человека в противоречивом мире. О типичности конфликта повести говорят многочисленные предания, введенные автором, свидетельствующие о вечном противостоянии личности и обще-

* © Кузина А.Н.

ства, человека и истории, об онтологическом конфликте человека и природы.

Распутин наметил возможные типы взаимоотношений личности и исторического времени: конфликт с ним, отчуждение от него или полное принятие действительности.

Причастность к отчему дому, к земле, к родным традициям, к тому, что называется целостностью народного сознания, свойственны и Андрею, и Настене. Андрей отказывается от общения с односельчанами, понимая, что сами надорвавшиеся от тяжести долга, они его не простят за предательство. Настена мечется между «двух правд» – причастностью к жизни деревенского соборного мира и необходимостью помогать мужу. Разрыв с народными интересами приобретает для нее трагический характер.

В повести используется принцип широкого обобщения народной жизни: многоплановость повествования раскрывает особенности народного характера, жизненного уклада, традиций. Русское крестьянство является главным героем повествования. Героика всенародного подвига в Отечественной войне, всеобъемлющий идеал соборного бытия, на котором держится жизнь, становится духовным ориентиром в драматические эпохи. «Велика наша страна, огромная страна, а без нашей Атамановки не обойтись. И мы там воевали, и вы здесь подмогали» [3: 1, 259].

Повесть отличает глубина раскрытия самых потаенных движений духа героев, автор не игнорирует и вопросов социального устройства общества, проводя реалистический анализ эпохи и философский синтез ее разнородных слагаемых. Полнота и объем знаний человека и общества присущи произведению. Гегель видел почву и условие рождения эпопеи в целостности и «субстанциональном единстве» древнего мира [2: 3, 221].

Тема Родины, России решается в повести в лиро-эпической традиции «Слова о полку Игореве». Природный мир во всем своем великолепии пейзажных картин, в исторических преданиях возникает на страницах повести. С героической песней в повесть входит высокое эпическое время, в которое включены биографии героев. Песенные мотивы сопровождают героев, предсказывая, объясняя их судьбы, создавая впечатление объективного развертывания событий.

Народная психология, мысли, чувства, присущие народному мироощущению, раскрываются в массовых сценах, бытовых подробностях, в народных гаданиях, приметах, поверьях, пословицах. Особенно ярко стяги-

ваются все линии бытия к образу Настены.

В эпопее главный герой – лицо значительное, раскрывающее народное самосознание. У Распутина простые люди воплощают высокие чувства, свойственные лучшим представителям народа. По мнению В.Г. Белинского, «действующие лица эпопеи должны быть полными представителями национального духа; но герой преимущественно должен выражать свою личностью всю полноту сил народа, всю поэзию его субстанционального духа. Каждое из действующих лиц «Илиады» выражает собою какую-нибудь сторону национального греческого духа» [1: 38- 39].

Настена олицетворяет типологические черты народного характера. Она является ярчайшим представителем русского крестьянства, несет в себе черты народного идеала: самоотверженная, преданная, жертвенная женщина, пытающаяся сохранить связи с общинным миром и спасти мужа, оказавшегося в безвыходной ситуации. Понять сложность, красоту характера героини помогают нравственные заповеди, укорененные в абсолютном прошлом, которые хранит Настена. Традиционен её выбор: идти до конца ради спасения мужа: «Надо быть вместе, когда плохо – вот для чего люди сходятся» [3: 1, 202]. Другие традиционные представления народной этики широко представлены в повести. «Семейная жизнь виделась её по-хозяйски надёжной, но и работной, а в отношении с мужем – весёлой и лёгкой, <...> причём любви и заботы Настёна с самого начала мечтала отдавать больше, чем принимать, – на то она и женщина, чтобы смягчать и сглаживать семейную жизнь» [3: 1, 198]. «Даже в мыслях она не переиначивала свою судьбу. <...> Она проживёт начатой жизнью, и метаться из стороны в сторону не станет. Она дожждётся своего, а не чужого счастья» [3: 1, 198-199]. «Раз ты там виноват, то и я с тобой виноватая. Вместе будем отвечать» [3: 1, 202]. «Нет такой вины, которую нельзя простить» [3: 1, 212]. С точки зрения народной этики осмысляет писатель все события повести. В статье «Мой манифест» он отметил: «Русская литература с XIX века <...> оставалась продолжением древнего отечественного летописания под первенством народописания» [4].

Народность повести – эстетический принцип, в основе которого лежит подход к осмыслению действительности и отбору материала, о чем писал В.Г. Белинский: «Итак, содержание эпопеи должны составлять сущность жизни, субстанциальные силы, состояние и быт народа, еще не отделившегося от

индивидуального источника своей жизни. Посему народность есть одно из основных условий эпической поэмы: сам поэт еще смотрит на события глазами своего народа, не отделяя от этого события своей личности» [1: 7, 36].

Фольклорные образы, картины народного быта, обобщения в стиле пословиц – все это служит воплощению «мысли народной», слитой с авторским обобщением. Важнейшая черта эпоса – стремление к объективности, авторская остраненность – достигается за счет введения фольклорных элементов.

Автор-повествователь в повести ощущает себя частью окружающего мира. Он не осуждает и не оправдывает героев. Он выступает носителем объективной точки зрения, либо сливаясь с точкой зрения героя, часто меняя точку видения, планы изображения действительности, либо используя картины природы. У Распутина природа является посредником между человеком и Абсолютом. Природа предстает в повести как некая одушевленная сила, наделенная даром предвидения, высшим знанием. В традициях эпической древнерусской поэзии, она предупреждает героев об опасности, помогает им. Пейзажи воплощают вечное течение жизни, целостность земного бытия; выражают обобщенно-философский взгляд автора, служат способом передачи общенационального исторического и нравственно-социального опыта.

Ангара по принципу природного параллелизма соотносится с образом Настёны. Настёна испытывает два чувства: тревогу и надежду – Ангара разделена тенью: «Полреки было покрыто тенью, светлой ещё и лёгкой, но течение там казалось много сильнее и туже, чем на освещённой половине. А на солнце вода ярко, слепя глаза, играла блёстками <...>» [3: 1, 265]. Жизнь Настёны оказалась разделённой тенью, как воды реки. И та часть, которая скрыта, надвигается на светлую часть, всё более и более поглощая её. Так символический пейзаж выступает в функции авторского обобщения.

Пейзаж нередко противостоит героине, концентрирует радость земного бытия, вечное торжество жизни. Настена полна тревожных предчувствий. А вокруг кипит радостная, вечная жизнь природы: «Часто и весело, с каким-то своим восторгом плавила рыба – от самой маленькой <...> до большой <...>. По берегу носились суетливые, быстрые и вертлявые птички. Так же и мелочь рыбная, табунящаяся под берегом <...>, слышав Настёнины шаги, <...> бросались вглубь, делали полукруг и снова, пропустив человека и чуть

сплавившись по течению, подтягивались к берегу. Со свистом проносились над головой Настёны стрижи <...>. Теперь уж вся Ангара от берега и до берега побежала сильнее <...>» [3: 1, 265-266]. Настёна словно отделена от всего этого мира своими думами.

Встреча героев происходит в природной рамке, на поляне. Кукушка всё кукует и кукует, на полянку «оборвалась» бабочка и долго не могла вылететь, натываясь на плотный кустарник. Всё в картинах природы вызывает тревогу героини. Её надежды на то, что Андрей захочет изменить судьбу, не оправдались.

Унылый пейзаж в 19-ой главе создаёт ощущение безысходности, непогоды во всём: «Дождь глухо шумел, входя в воду: река казалась серо-стальной и тусклой. Остров казался размытым и приподнятым грязным пятном. Размыто было и небо, а лучше сказать, его не было вовсе, <...> и теперь там настали сумерки» [3: 1, 280]. Настёна вспоминает, что в марте она бежала в метель здесь же. Время идет, а у неё ничего не меняется. Она по-прежнему ждёт непогоды, чтобы увидеть мужа. Её жизнь идёт по кругу, выхода из которого нет. Она так же плутает, как и зимой. Настёна вновь просит Андрея повиниться: «Может, не будем так, выйдем?» [3: 1, 282]. И опять не удалось Настёне убедить мужа.

С нетерпением ждёт Настена сенокоса, «будто от него решалась вся ее судьба, ... мерещилось ей: в сенокосные дни все и выяснится – где ей быть, с кем жить, на кого злобиться, на кого молиться» [3: 1, 290]. Вспоминается ей сенокос как праздник, когда чувствуешь себя «просветленно». Она стремится стать «своей», какой была когда-то: «любила встать у края деляны, опустив литовку к земле, и первым пробным взмахом пронести ее сквозь траву, а затем махать и махать <...>. Любила, <...> когда веселой, зудливой страстью загорается душа. И вот уже идешь, не помня себя, <...> и, кажется, будто вонзаешься, ввинчиваешься взмах за взмахом во что-то забытое, утаенно-родное» [3: 1, 298]. Описание сенокоса дано в восприятии героини, это не только страдания, обычная для сельских тружеников. Труд на земле вместе со всеми и для всех – это источник единения с общиной и душевного прозрения, попытка вернуться в целостный патриархальный мир. Но не суждено героине дожидаться сенокоса.

Она опять делает попытку спасти Андрея, предупредить, что за ним начали охотиться. Картина ночной природы предстает как проявление вечного бытия в земной

действительности, концентрирующего в себе силу, покой и смысл. «Ночь была тихая, потёмистая, но в ровном бедном свете выделось всё же достаточно хорошо <...>. До чего тихо, спокойно в небе» [3: 1, 300]. Её мучает стыд и перед Андреем, и перед людьми, и перед собой. Настёна заметила звёздочки, которые пробивались сквозь тучи. Её взгляд обращается в спокойное небо. И её охватило покорное чувство: «Так, видно надо, это она и заслужила <...>» [3: 1, 301]. Она поймала себя на мысли, что думает о чём-то постороннем, о праздном: о звездах, о судьбе человеческой. И на душе отчего-то было празднично и грустно. Ночь смиряет Настёну, снимает груз её забот. И когда она услышала за собой погоню, то уходить от неё не стала: «Устала она. Знал бы кто, как она устала и как хочется отдохнуть! Не бояться, не стыдиться. <...> Вот оно, наконец, желанное, заработанное мучениями счастье <...>» [3: 1, 301-302]. Она заглянула в воду, «далеко-далеко изнутри шло мерцание, как из жуткой красивой сказки, – в нём струилось и трепетало небо» [3: 1, 302]. В плеске воды она слышала «десятки, сотни, тысячи колокольчиков <...>. И сзывали те колокольчики кого-то на праздник» [3: 1, 302]. В этой картине преобладают сказочные мотивы. Символические образы колокольного звона, неба, мерцания создают в повести образ потустороннего мира. Только там чудится Настёне освобождение, воля, только там возможно счастье. По Распутину, есть тайная связь между природным миром и душой человека. В прекрасный и страшный мир природы, манящий её счастьем, уходит Настёна, одновременно спасая Андрея. Так героиня, жертвуя собой, находит выход из того положения двойственности, в которое поставил ее Андрей.

Эпические традиции ощутимы в стиле повести: в совмещении замедленного, спокойного потока повествования в изображении событий с высоким стилем и напряженным эмоциональным тоном в моменты нарастания драматизма, в трагических ситуациях.

Эпическое мышление писателя проявляется в широте и глубине осмысления действительности, в стремлении изобразить людей и события не только в конкретно-историческую эпоху военных испытаний, но и связать эти события с прошлым и будущим, дать их в перспективе и в истории Отечества вообще, в наличии национального идеала, воплощающего типичные черты национального характера. Повесть о дезертире раскрывает вечные конфликты человека и истории,

личности и общества, чувства и долга. Соединение исторической перспективы с художественным изображением конкретной судьбы, фольклорные предания, представляющие народную философию, авторские обобщения, воплощение целостности народного бытия, субстанционального единства мира, символические, философски насыщенные пейзажи создают картину вечного бытия народа, отмеченного трагическими коллизиями. Традиционно героическая сущность эпоса воплощена в повести Распутина через предельно трагическое изображение русской истории и жизни русского народа. Путь эпического героя у Распутина – путь трагических испытаний духа. Гегель писал: «Эпическая поэзия все изображает в стихии целостного внешнего бытия, необходимого внутри себя, и для индивида не остается ничего иного, как следовать за этим субстанциональным состоянием, этим сущим, сообразовываться с ним или же нет и в таком случае страдать возможным и должным образом» [2: 3, 452].

Человек, ощущающий свою органичную связь с соборным миром, по мнению современного писателя, укоренён в нём, устойчив и защищён. Разрыв с ним обрекает либо на бессмысленное существование, либо на поиски своего утраченного места в мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белинский В.Г. Собрание соч.: В 9 т. – Т. 7, М., 1977. – С. 406. (Далее при ссылке на это издание в скобках указываются том и страница).
2. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 3 т. – Т. 3, М., 1968. – С. 221. (Далее при ссылке на это издание в скобках указываются том и страница).
3. Распутин В.Г. Живи и помни // Собрание соч.: В 3 т. – Т. 1, М., 1994. – С. 259 (Далее при ссылке на это издание в скобках указываются том и страница).
4. Распутин В. Г. Мой манифест // Распутин В.Г. Уроки французского. – М., 2004. – С. 7.

A. Kuzina

THE EPIC THINKING OF V. RASPUTIN IN THE STORY «LIVE AND REMEMBER»

Abstract. The peculiarities of the epic thoughts of V. Rasputin are studied; including the scope of their reality; the nationwide event which is in the middle of the narrative; the universality of the associated problems as well as the character who personifies the folk wisdom.

Key words: epic thinking, epic chronotype, multifoceted narrative, intergity of national life.